

УДК 94(47)''17/18''+392.5-058.224
DOI 10.26456/vthistory/2022.2.061–080

«ЖЕНИТЬСЯ СКОРЕЕ – В ДОМУ ПРИБЫЛЬНЕЕ»: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РАЗЛИЧИЙ РУССКИХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ МОДЕЛЕЙ БРАЧНОСТИ В XVIII – XIX ВЕКАХ¹

Ли Чжэнвэн (Константин Ли)

Фуданьский университет, *Шанхай, Китай*

В XVIII–XIX вв. в России господствовала модель всеобщего и раннего брака, которая сильно отличалась от западноевропейской. Автор устанавливает четыре причины такого различия. Во-первых, в России не сформировалась концепция брака, основанная на любви и личного согласия обеих сторон, характерная для религиозно-культурного фона и эмоциональной основы брака в Западной Европе и России. Во-вторых, в России по причине высокой детской смертности и низкой продолжительности жизни крестьяне были более склонны рано вступать в брак и рано рожать детей, чтобы повысить рождаемость. В-третьих, в России при низком уровне урбанизации, социальной мобильности и устойчивости традиционных сельских социальных структур и концепции брака широкое распространение ранних браков определялось спросом на семейный труд в традиционном земледелии. В-четвёртых, брак русских крестьян не основывался на личной собственности на землю, наоборот, при общинном землевладении женитьба приносила семье новые земли. Более того, русские новобрачные обычно не выделялись после брака, а продолжали жить с родителями вместе; не наследовали семейную землю от родителей при бракосочетании, а владели имуществом всей семьёй. Такая семейная система закрепляла патриархальные права и объективно поддерживала всеобщий ранний брак. Автор не соглашается с концепцией Джона Хайнала о разделении Европы на брачные модели на восточную и западную половины.

Ключевые слова: *русские крестьяне; модели брачности; ранний брак; сельская община; Западная Европа.*

В 1965 г., когда Европа была разделена «железным занавесом» холодной войны, венгерско-еврейский британский демограф Джон Хайнал (John Hajnal) провёл «линию от Ленинграда до Триеста», используя в качестве основного показателя возраст вступления в первый брак. Учёный разделил

¹ Статья подготовлена при поддержке 62-й серии общих проектов Китайского фонда постдокторских наук, проект № 2017M621341.

традиционный брачный тип всей Европы на две диаметрально противоположные модели: западноевропейскую и восточноевропейскую. К западу от этой линии с XVII в. преобладали поздние браки (особенно у женщин), а доля одиноких относительно высока. Джон Хайнал называл его «Европейской моделью брачности». К востоку от этой линии в начале XX в. всё ещё преобладали ранние и всеобщие браки, которые были близки к Азии и Африке². По данным Хайнала, средний возраст вступления в первый брак для мужчин по западноевропейской брачной модели составлял не менее 26–27 лет, для женщин – не менее 24–25 лет, а доля женщин, не состоящих в браке до 50 лет, достигла 10–15% и более. По исследованиям советских учёных, средний возраст вступления в первый брак у российских мужчин и женщин в конце XIX в. составлял соответственно 24,2 и 21,4 года (из них крестьян – 23,5 и 21,3 года), а доля мужчин и женщин, не состоявших в браке до 50 лет, составляла менее 5 %³. Позже Хайнал локализовал европейскую модель брачности в Северо-Западной Европе с центром в Соединённом Королевстве и странах нижнего течения реки Рейна и с другими учёными продолжал обогащать коннотацию европейской модели брачности. Они утверждали, что возраст вступления в первый брак являлся ключевым показателем семейной структуры, а западноевропейская модель брачности было тесно связана с западноевропейским типом семьи, и их можно рассматривать как единое целое. В семьях Северо-Западной Европы было большое количество неженатых слуг, новобрачные жили отдельно от родителей, а доля семей, состоящих более чем из одной пары, была очень низка⁴. Другие учёные доказали, что русский брак был наиболее типичным вариантом «восточноевропейской модели брака», и считали, что русский крестьянский брак имел две характеристики: во-первых, брак был всеобщим как для мужчин, так и для женщин, и одиноких взрослых людей было чрезвычайно мало; во-вторых, средний возраст первого брака для мужчин и женщин был очень ранним, они редко женились поздно⁵.

² John Hajnal. European marriage patterns in perspective // David Glass, D.E.C. Eversley (eds.). *Population in History*, London Edward Arnold LTD, 1965, P. 101–143 (Джон Хаджнал Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века / под ред. А.Г. Вишневского, И.С. Кона. М., 1979, С. 14–71).

³ Тольц М. С. Брачность населения России в конце XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневского, И.С. Кона. М., 1977. С. 138–153.

⁴ John Hajnal. Two Kinds of Preindustrial Household Formation System // *Population and Development Review*, Vol. 8, No. 3 (Sep., 1982), P. 449–494; Laslett P. Characteristics of the western family considered over time // *Journal of Family History*, Vol. 2, Iss. 2, (Summer 1977), P. 80–107.

⁵ Peter Czap Jr. The perennial multiple family household, Mishino, Russia. 1782–1858 // *Journal of Family History*, Vol. 7, Iss. 1, (Spring 1982), P. 10–14; Peter Czap. “A large family: the peasant’s greatest wealth”: Serf household in Mishino, Russia, 1814–1858 // R. Wall, J. Robin, & P. Laslett (Eds.). *Family Forms in Historic Europe*. Cambridge, 1983. P. 118–120.

Позднее, в исследованиях о русских брачных понятиях и обычаях XVIII–XIX вв., большинство учёных подчёркивало, что русская модель ранних браков имела всеобщее и особое значение⁶. Однако некоторые учёные указывали, что по сравнению с центрально-черноземными районами в некоторых частях нечерноземных районов России крестьяне женились позже и процент брачности был ниже, что свидетельствовало об географических различиях русской брачной системы⁷. Во второй половине XIX в., когда бурно развивалась российская промышленность, русская брачная модель начала трансформироваться в сторону западноевропейской модели⁸. Конечно, эта трансформация была неполна и неравна, была заметна лишь в некоторых частях; а в общем русская брачная модель действительно сильно отличалась от западноевропейской⁹.

Откуда эта разница? Почему русские крестьяне считали законом всеобщий ранний брак, в то время как большинство молодёжи Западной Европы (особенно в Англии) предпочитало жениться позже, а многие даже никогда не заключали долгосрочный брак? Такие сравнительные исследования пока немногочисленны и неполны. Задача данной статьи состоит в том, чтобы объяснить причины этого различия с точки зрения культуры, населения, экономики и общества, чтобы яснее понять динамику, уровень и ограничения трансформации русских брачных моделей в XVIII и XIX вв.

Во-первых, религиозно-культурный фон и эмоциональная основа брака в Западной Европе и России были различны.

Поздние и непопулярные браки в Западной Европе в период раннего Нового времени были неотделимы от «принципа согласия», отстаиваемого католической церковью, и концепции свободы брака, сложившейся после Реформации. В позднем Средневековье католическая церковь, чтобы конкурировать со светскими властями за судебную юрисдикцию в вопросах брака, с одной стороны, признала за христианами свободу выбора своего супруга и считала, что согласие обоих – мужчины и женщины – являлось единствен-

⁶ Mitterauer M. Kagan A. Russian and Central European Family Structures: A Comparative View // *Journal of Family History* (Spring 1982). P. 117–119; Hoch Steven L. Serfs in Imperial Russia: Demographic Insights // *The Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 13, no. 2 (Autumn 1982), P. 221–246; Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 348–352; Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М., 2012. С. 152–172.

⁷ Tracy K. Dennison. Serfdom and household structure in Central Russia: Voshchazhnikovo, 1816–1858 // *Continuity and Change*, Vol. 18, Iss. 03, Dec. 2003, P. 395–429; Dennison T. *The Institutional Framework of Russian Serfdom*. New York, 2011, P. 59–92.

⁸ Вишневецкий А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // *Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР*. С. 105–134.

⁹ Worobec Christine D. *Peasant Russia: Family and Community in the post-emancipation period*. Princeton NJ, 1991. P. 119–128; Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). СПб., 2018. С. 157–182; Миронов Б.Н. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*: 2-е изд. СПб., 2000. Т. 1. С. 158–178.

ным критерием действительного брака. С другой стороны, она проповедовала «тайнство брака» и таким образом усилила манипулирование священнослужителями светских браков¹⁰. Реформация сломала теорию «тайнства брака», и протестанты пытались передать контроль над браком от церкви родителям. В то же время они подчёркивали святость брака и его эмоциональную значимость.

После того, как религиозный бум поутих, влияние родителей на брак постепенно падало, эмоциональный индивидуализм развивался¹¹. В Англии XVII и XVIII в. повышение уровня образования и ослабление личной зависимости предоставили народу веру в то, что любовь есть основа брака, а брак есть результат любви; особенно в среднем и низшем классах общества, которые подвергались меньшим препятствиям со стороны семьи в бракосочетании. Любовь и брак стали довольно свободны, образуя братскую концепцию «взаимной любви и одного сердца». В XIX в. в западном обществе концепция брака, основанного на любви, и более равные отношения между родителями и детьми становились всё более и более стабильными¹². Когда молодые люди рассматривали любовь обеих сторон, а не приказы родителей или материальные интересы всей семьи как основное условие брака, то они обычно вступали в брак, когда оба стали достаточно зрелыми и их отношения стали достаточно стабильными. Таким образом, некоторые люди осознали, что «не надо втюрироваться в брак слишком рано», в то время как другие не имели достаточных условий жениться¹³.

По сравнению с Англией, в России XVII и XVIII вв. далеко не сформировалась концепция брака на основе взаимной любви и личного согласия обеих сторон. В отличие от католицизма и протестантизма, которые постоянно реформировались, Русская православная церковь до начала XX в. ещё придерживалась концепции брака с ярко выраженным средневековым колоритом. Например, крупнейший русский богослов XIX в. митрополит Московский Филарет подчёркивал, что: «Брак есть Тайнство, в котором при свободном перед священником и Церковью общении женихом и невестой взаимной их супружеской верности благословляется их супружеский союз во образ духовного союза Христа с Церковью и испрашивается им благодать

¹⁰ Линь Чжонзе. Брак и секс в средневековом каноническом праве Западной Европы // Исторические исследования (Китай). 1997. № 4. С. 122–133; Линь Чжонзе. Комментарий к протестантским взглядам на брак и секс в 16 веке // Мировая история (Китай), 1997. № 4. С. 67–73; Юй Цзиняо. Исследование истории брака, семьи и демографии Западной Европы. Пекин, 2014. С. 58–82.

¹¹ Lawrence Stone. The Family, Sex and Marriage in England 150–1800. London, 1977. P. 116.

¹² Фу Синъю. Исследования семьи в переходный период британского общества. Хэфэй, 2008. С. 84–88, 110–136; Lawrence Stone. Op. cit., P. 275–281; Ялом М. История жены. М., 2019. С. 138–156.

¹³ Jan Lutiten van Zanden. The Long Road to the Industrial Revolution: The European Economy in a Global Perspective, 1000–1800. Leiden, 2009. P. 122–127.

чистою единокровию к благословенному рождению и христианскому воспитанию детей»¹⁴. Он указывал, что «телесное удаление от всего, принадлежащего браку, не есть совершенное девство, а только низшая степень оного: ибо стремление и приближение к Богу, как Существу духовному, может и должно совершаться собственно в духе», «Подвизающийся в сей добродетели должен сохранять сердце свое чистым от всякого плотского вожделения, от всяких помыслов, противных целомудрию», даже супруги «должны убежать плотской нечистой любви»¹⁵. К началу XX в. православные богословы продолжали проповедовать теорию таинства брака: даже мужа и жены должны преодолевать собственные страсти и плотские желания для достижения так называемого «брачного целомудрия», а «нечистая жизнь до брака всегда будет не только пятном, но язвой, раной на совести», которая делает «трудными истинно христианские отношения супругов» и «психологии безгрешного брака»¹⁶.

Поэтому православная концепция брака была довольно консервативна, она защищала целомудрие и таинства, отвергая любовь и сексуальность. Она ценила цель брака как духовное и нравственное совершенствование и рассматривала сексуальные контакты между мужчиной и женщиной как духовную порочность. Православная церковь принимала брак за школу любви, а любовь – за задачу брака, пытаясь культивировать супружескую любовь в брачной жизни, но отказываясь рассматривать взаимную любовь как необходимое условие брака. Русские крестьяне вполне были согласны с таким понятием о браке и считали, что, конечно, у мужчин и женщин лучше всего иметь в браке любовь, но любовь не необходимое условие брака. Родители обычно думали, что «для счастливой семейной жизни, вместо любви и свободного выбора достаточно одного родительского благословения» («Свыкнутся – слюбятся»), и мало обращала внимания на взаимную склонность вступающих в брак¹⁷. В этом случае брак по любви и свобода брака стали водой без источника.

Более того, по концепции Православной Церкви, «брак – это союз души и Бога», «замечательный дар от Бога» и нравственная ответственность перед Богом. Священность брака не только отражалась в моральном аскетизме, но и в его главной цели – родить детей и умножить род. По мнению русских крестьян, брак и семья – необходимое условие исполнения Божьей воли, а отказ от брака – значит отклонение от Божьей воли. Поэтому каждый

¹⁴ *Святитель Филарет*. Пространный Христианский Катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви. М., 2013. С. 92–93.

¹⁵ *Филарет Московский*. Учение о семейной жизни святителя Филарета Московского. Религиозное издание. М., 2010. С. 15–16, 24.

¹⁶ Записки петербургских Религиозно-физических собраний (1901–1903 гг.) / под ред. С.М. Половинкина. М., 2005. С. 215–221.

¹⁷ *Смирнов А.* Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. М., 1877. Выпуск 1. С. 194–195.

крестьянин должен жениться, если он хочет выполнять свои обязанности перед Богом, людьми и предками¹⁸. Крестьяне также верили, что брак как краеугольный камень семейных отношений представлял «священную волю» и «закон» Бога. Жениться означает «принять закон», жить с женою – «жить законом»¹⁹. Крестьяне считали брак и семью не только высшей ценностью каждого человека, но и естественным условием его материального и духовного существования, а также основой его нравственного совершенства, поэтому жизнь без брака была неполна²⁰. «Всякая невеста для своего жениха родится», «Смерть да жена, Богом суждена» – говорят народные пословицы, указывая на неизбежность брака. Те, кто не женились в согласованном возрасте, противоречили изначальному замыслу Бога и традициям предков, и народ относился к ним с презрением, критикой или сожалением²¹.

Во-вторых, в России XVIII–XIX вв. отмечалась слишком высокая детская смертность и слишком низкая ожидаемая продолжительность жизни, поэтому Россия находилась на иной стадии демографического процесса, чем Западная Европа.

Из-за плохих условий жизни, тяжелых сельскохозяйственных производственных задач и отсталых методов воспитания детская смертность в России XVIII–XIX вв. была очень высокой²². По популярному мнению, второй половине XVIII века, четверть новорожденных в России не доживала до года, а половина детей не доживала до 15 лет. Если родители хотели кормить своих детей до совершеннолетия и полагаться на них в своей старости, то они должны иметь не менее 4–5 детей²³. Обследование в России в начале XIX в. также показало, что из каждой 1000 новорожденных мальчиков лишь немногим более половины доживали до 5-летнего возраста, а до 20 лет доживали только 440²⁴. Темп снижения детской смертности в России был крайне медленным, с небольшим улучшением до конца XIX в. Среди новорожденных, родившихся в России между 1874 и 1884 гг., 67,3 % мальчиков

¹⁸ Русский народ. Этнографическая энциклопедия / Платонов О.А. (глав. ред.). М., 2013. Т. 1, С. 126–127.

¹⁹ Смирнов А. Указ. соч. С. 81.

²⁰ Svetlana S. Kriukova. The Russian Peasant Family in the Second Half of the Nineteenth Century // Russian Studies in History. Vol. 38, No. 2, Fall 1999. P. 31–32.

²¹ Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX—начало XX века). С. 157–158; Svetlana S. Kriukova. Op. cit., P. 31–32; Гупа А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012. С. 9, 33.

²² Elizabeth With. A Modern History of Russian Childhood: From the Late Imperial Period to the Collapse of the Soviet Union. London, 2020. P. 39–40.

²³ Грасман П. Назначение земли под крестьянское тягло // Труды Вольного Экономического Общества. 1775, Ч. 29. С. 25.

²⁴ Чертова Г.И. Смертность населения России в XIX в. по исследованиям современников // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. С. 155–156.

и 71,7 % девочек дожили до 1 года соответственно, а 45,2 % и 49,9 % мальчиков и девочек соответственно дожили до 15 лет²⁵. В 1896–1897 гг. только 70,2 % мальчиков и 74,1 % девочек в России могли дожить до 1 года, а 50,7 % мальчиков и 54,2 % девочек – до 15 лет²⁶. Иными словами, до конца XIX в. не менее половины детей, рождённых русскими родителями, не доживали до совершеннолетия, а большая часть материнской энергии тратилась напрасно.

Высокая детская смертность в России значительно снижала продолжительность жизни новорожденных. В 1896–1897 гг. выживаемость детей в возрасте до одного года в России была примерно на 13 % ниже, чем в Великобритании, Франции, Нидерландах и Бельгии. В эти же годы средняя продолжительность жизни мужчин составляла всего 31,3 года, женщин – 33,4 года, что примерно на 15 лет ниже, чем в странах Западной Европы. Разрыв между Россией и Норвегией, Швецией и другими странами Северной Европы ещё больше²⁷. Среди главных этнических групп России русские имели самую низкую продолжительность жизни. В 1896–1897 гг. средняя продолжительность жизни мужчин русских национальностей составляла 27,5 лет, а женщин – 29,8 лет²⁸. Таким образом, в целом детская смертность в России в XVIII и XIX веках была одной из самых высоких в Европе, а средняя продолжительность жизни – одной из самых низких. Трансформация демографического процесса в России отставала от западных и скандинавских стран как минимум на столетие²⁹.

В таком обществе, как Россия, где детская смертность была чрезвычайно высока, а ожидаемая продолжительность жизни была низка, крестьяне склонялись к ранним бракам, раннему деторождению и высокой рождаемости даже только для самосохранения. В русской деревне были распространены такие представления: «чем больше детей, тем счастливее семья», «вырастить сынов, чтобы обеспечить опору в старости»; многодетность стала нормой каждого брака. Напротив, бесплодие рассматривалось не только как семейное несчастье, но и как позор для женщины, которую Бог наказал за грехи³⁰. Вместе с тем рекрутчина вытянула зрелых мужчин из крестьянских семей, поэтому у них обычно рождались не менее трёх сыновей, чтобы сохранить семейную преемственность и гарантировать выживание в старости. Типичная

²⁵ Борткевич В. Смертность и долговечность мужского православного населения Европейской России. СПб., 1890. С. 94; Борткевич В. Смертность и долговечность женского православного населения Европейской России. СПб., 1891. С. 10.

²⁶ Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград, 1916. С. 148–151.

²⁷ Новосельский С.А. Указ. соч. С. 149–151, 169–170.

²⁸ Птуха М.В. Очерки по статистике населения. М., 1960. С. 261.

²⁹ О детской смертности в Европе в XVIII–XIX вв. см.: Tommy Bengtsson, Cameron Campbell, James Lee (etal.). *Life under Pressure: Mortality and Living Standards in Europe and Asia, 1700–1900*. Cambridge, 2007. P. 361–368.

³⁰ Мухина З.З. Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. С. 173–174.

крестьянская женщина обычно должна была родить 6–7 детей в репродуктивный период, чтобы некоторые из детей могли дожить до взрослого возраста, тем самым добавив в семью необходимую рабочую силу³¹. Словом, в русской деревне XVIII–XIX вв. каждый брак заключался с целью иметь больше детей, а каждый ребёнок становился звеном длинной «цепи рождения». Поэтому родители старались приблизить дату свадьбы своих детей. В условиях бедных и тяжёлых материальных условий сельской России ранний брак и высокая рождаемость имели особое значение для устойчивого существования крестьянских семей.

В-третьих, западноевропейские и российские брачные модели образовались на разных экономических основах.

В Западной Европе с позднего Средневековья в городских и сельских районах ускоренно развивались промышленность, торговля и рынок труда. Это изменило экономическую функцию семьи, способствовало возникновению экономического индивидуализма и заложило экономическую основу для индивидуальных автономных браков. В Англии, где уже в конце XIV–начале XVI в. доля городского населения достигала около 20 %, не только города стали промышленными и торговыми центрами, но и специализированные сельские промышленные предприятия развивались, индивидуальные ремесленники были рассредоточены по городским и сельским районам. В большинстве районов Англии более половины людей полагались на несельскохозяйственную деятельность как основной источник дохода³². К концу XVIII в. развитие урбанизации и индустриализации привело к формированию в Англии высокооплачиваемой модели экономического развития, размер рынка труда и уровень заработной платы сильно росли, а сельское население сократилось до 35 %³³. В таких экономических условиях в Англии позднего Средневековья была популярна система «слуги жизненного цикла», т. е. мальчики и девочки в подростковом возрасте оставляли родителей и отправлялись к разным работодателям как слуги, прислуги или подмастерья, таким образом став членами семьи хозяина на период около десяти лет. После начала промышленной революции молодые люди стали рабочими на фабриках и предприятиях³⁴. Английская экономическая модель также была распространена в Нидерландах и расширялась на континентальную Европу к северу от Альп.

³¹ Смирнов А. Указ. соч. С. 75–76; Mitterauer M., Kagan A. Op. cit., P. 119.

³² Alan Macfarlane. The Origins of English Individualism: The Family, Property, and Social Transition. Oxford, 1978. P. 148–150; Christopher Dyer. An Age of Transition? Economy and Society in England in the Later Middle Ages. London, 2005. P. 218–220; Сюй Хао. Исследования средневековые промышленности и торговли в Западной Европе. Пекин, 2018. С. 36–39, 407–442.

³³ Robert C. Allen. The British Industrial Revolution in Global Perspective. Cambridge, 2009. P. 15–23.

³⁴ John Hajnal. Two Kinds of Preindustrial Household Formation System. P. 470–476; Юй Цзиньяо. Изучение истории Западноевропейского брака, семьи и населения. Пекин, 2014. С. 344–386.

Это оказало сложное воздействие на состав семьи и брачные стратегии населения Западно-Северной Европы. Когда единственные или главные источники доходов многих семей происходили от отхода на работу, семьи избавлялись от традиционных сельскохозяйственных производственных функций, а родители постепенно теряли контроль над своими детьми, работающими на стороне. С развитием аграрной революции фермы капиталистической модели постепенно заменили традиционную работу мелких крестьян, что также снизило спрос на их семейный труд. В результате родители больше не рассматривали своих детей как простых семейных работников и не контролировали их брак для улучшения экономического положения семьи³⁵. Расширение рынка труда и усиление социальной мобильности разрушили географические ограничения брака и увеличили возможности выбора супругов для молодых людей. Ученичество и рабочие места стали основным способом их знакомства, поэтому независимый выбор супругов постепенно стал тенденцией. Что ещё важнее, поскольку всё больше и больше молодых людей выходили на рынок труда, они в конечном итоге стали свободной рабочей силой. Они могли обеспечивать себя своим собственным трудом, могли жить независимо без поддержки своих родителей и, таким образом, иметь возможность управлять своей судьбой и браком. С расширением рынка женского труда баланс сил между поколениями изменился коренным образом. При поддержке экономической модели высокой заработной платы эта беспрецедентная «сила девочек» дала им большее право голоса в вопросах брака и любви, тем самым ограничивая явление ранних браков³⁶.

Напротив, распространённость ранних браков у русских крестьян во многом определялась спросом на семейный труд в традиционном земледелии. До реформы 1861 г. Россия была в основном аграрной страной. Для удовлетворения экономических потребностей семьи крестьянам приходилось собирать большое количество семейных рабочих, которые продолжали оставаться дома в качестве рабочей силы после брака. Крепостное право и общинный строй издавна привязывали крестьян к земле, размеры которой были должны соответствовать их платежеспособности. Поэтому крестьянским семьям приходилось содержать достаточную рабочую силу, чтобы уплачивать различные повинности помещикам и сохранять за собой землю, которую они использовали³⁷. Более того, до середины XIX в. урбанизация

³⁵ *Michael Mitterauer, Reinhard Sieder*. The European family. Patriarchy and partnership from the Middle Ages to the present. Oxford, 1982. P. 110–112.

³⁶ *Jan Lutiten van Zanden*. The Long Road to the Industrial Revolution: The European Economy in a Global Perspective, 1000–1800. P. 115–122; *Robert C. Allen*. Op. cit., P. 13–15.

³⁷ *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в. М., 1984. С. 128, 163; *Прокофьева Л.С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в.Л., 1981. С. 28–31, 148–150; *Peter Czap, Jr.* The perennial multiple family household, Mishino, Russia 1782–1858. P. 5–6.

России развивалась медленно: в 1861–1870 гг. городское население составляло лишь 6,9 % всего населения Европейской России³⁸. Городов в России было немного, их разделяли большие расстояния. К первой половине XIX в. в большинстве российских городов преобладало сельское хозяйство, промышленность в значительной степени обходила города, а сельская промышленность господствовала только в промышленных селах в центральном нечерноземном районе. Всё это мешало российским городам играть роль ведущих промышленных и торговых центров, подобных западноевропейским городам, и они не имели возможности разрушить традиционную сельскую социальную структуру, защищённую общинным эгалитаризмом³⁹. Из-за низкой социальной мобильности и очень слабого развития рынка труда издержки использования наёмного труда для русских крестьян крайне высоки. Их рациональный выбор состоял не в использовании наёмного труда, а в увеличении количества работников в семье и эксплуатации семейного труда⁴⁰.

Во второй половине XIX в. углубленное развитие промышленности и урбанизации в России постепенно изменили экономическую основу широко распространённых ранних браков крестьян. Однако вплоть до 1897 г. уровень урбанизации в Европейской России составил всего 12,9 %, и это свидетельствовало о том, что процесс урбанизации в России находился в начальной стадии⁴¹, хотя неземледельческое население составляло 26 % в Европейской России и 40,5 % в нечерноземном промышленном районе⁴². Но эти отходники в основном являлись сезонными работниками, и большинство из них не утратили связи с сельским хозяйством и сельской родиной. Более того, многие крестьянские родители привыкли женить своих сыновей задолго до их отхода на работу, используя брак как эмоциональную связь между ними и их семьей, гарантируя, чтобы они отправляли свою зарплату домой⁴³. Что касается большинства крестьян, которые полагались на сельское хозяйство, то они также продолжали традиционную модель брака.

В-четвертых, западноевропейские и российские брачные модели сталкивались с разными имущественными отношениями, что вынуждало людей применять разные брачные стратегии.

Брак в Западной Европе обязательно основывался на определённой имущественной основе, и молодые люди не могли жениться без собственной

³⁸ Миронов Б.Н. Русский город: в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. Приложения, Таблица 1.

³⁹ Чжан Гуансян. Косвенные причины медленной урбанизации России в позднефеодальный период // Мировая история (Китай). 2003. № 6. С. 85–93.

⁴⁰ Wheaton Robert. Family and Kinship in Western Europe: The Problem of the Joint Family Household // Journal of Interdisciplinary History. Vol. 5, No. 4 (Spring 1975). P. 622.

⁴¹ Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 Января 1897 года / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 1. 1905. С. 1.

⁴² Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 108.

⁴³ Babara Alpern Engel. The Woman's Side: Male Out-Migration and the Family Economy in Kostroma Province // Slavic Review. Vo. 45, No. 2 (Summer 1986). P. 261 – 262.

земли или имущества. В Англии новобрачные обычно расставались с родителями и обустроивали новый дом, поэтому им приходилось зарабатывать достаточное имущество до брака, чтобы заложить материальную основу семейной жизни. Западноевропейское общество обычно считало, что если обычные люди – крестьяне, ремесленники или торговцы – вступили в брак без своей постоянной собственности, то их семьи обязательно будут становиться всё беднее и беднее: «Когда подавляющее большинство семей в обществе зависят от капитала, большого или малого, для своего выживания... Было бы крайне безрассудно вступать в брак без капитала, необходимого для поддержки семьи в будущем»⁴⁴. Приданое было непременным условием брака женщин, но британские законы предусматривали, что всё имущество и доходы женщины после замужества полностью принадлежал ее мужу. Поэтому женщины, вышедшие замуж, были более склонны выбирать мужчин с финансовой обеспеченностью, иначе их супружеская жизнь неизбежно оказывалась конфузной. Такие экономические ограничения вынуждали молодых людей откладывать брак, и только после долгой и упорной борьбы они имели возможности создать свои семьи⁴⁵.

С другой стороны, брак в Западной Европе неизбежно касался наследования имущества в семье. Так как каждый брак мог угрожать целостности семейного имущества, западноевропейские имущие классы устраивали браки своих детей по принципу майората: старший сын наследовал всё земельное имущество семьи при вступлении в брак, а остальные сыновья и дочери были лишены права наследования недвижимого имущества, они получали часть движимого имущества при заключении брака в качестве компенсации⁴⁶. Майорат во многом определил поздние и нераспространённые браки детей. Поскольку родители являлись владельцами семейными имуществами, то пока родители были ещё живы и наследование имущества не произошло старший сын фактически не владел никаким имуществом, он вынужденно находился в зависимости от родителей и в затруднительном положении. Родители часто передавали старшему сыну землю и имущество при выходе на пенсию или он получал его после их смерти. Эти обстоятельства неизбежно отодвигали брачный возраст старшего сына и в целом определяли выбор им брачной траектории – старший сын, который был не в силах вырваться из-под родительского контроля и не мог отказаться от любимой, был вынужден сохранять себя холостым, хотя и не отказывался жениться⁴⁷. Тем временем лучшим выбором для остальных сыновей было жениться на богатой наследнице, иначе им приходилось искать заработки, начинать бизнес и копить деньги, чтобы заработать необходимый капитал для брака. Им не разрешалось жениться, и если они оставались дома, то были только «бесплатными

⁴⁴ Flandrin Jean-Louis. Families in Former times: Kinship, household and sexuality. Cambridge, 1979. P. 184.

⁴⁵ Lawrence Stone. Op. cit., P. 39–41, 247–249, 298–299.

⁴⁶ Pierre Bourdieu. Le Sens Pratique. Paris, 1980. P. 249–258.

⁴⁷ Юй Цзиняо Исследование истории брака, семьи и демографии Западной Европы. С. 407–411; Pierre Bourdieu. Le Sens Pratique. P. 260.

помощниками по дому». В результате многие вторые сыновья из-за отсутствия капиталов или подчиняясь семейным интересам предпочитали жениться позже или вынужденно наслаждались «миром безбрачия»⁴⁸.

В аграрной же России отношение между браком и собственностью было совсем иное. До 1861 г. земли распределялись по тяглам в крестьянской семье, крестьяне выполняли барщинные и оброчные повинности в пользу помещика помещику по числу тягол. Обычно тягло составляла супружеская пара взрослых рабочих, т. е. муж и жена в возрасте от 17 до 60 лет, которые образовали рабочую единицу и повинностную единицу в семье⁴⁹. После 1861 г. значительные общины продолжали распределять землю и повинности по тяглам⁵⁰. Когда новобрачные образовали новое тягло, сельская община была должна выделить им надел (это было одной из причин частых переделов земли), и по этой причине всеобщий и ранний брак был чрезвычайно выгоден для крестьянской семьи, с одной стороны, с другой – он пользовался поддержкой общины и помещика.

Тягло связывало крестьянский брак и землю: чем больше было количество тягол в семье, тем больше была полученная семьёй доля наделов. Между тем для родителей женитьба сына приводила к увеличению объёма повинностей, однако ожидаемый экономический эффект от новоприобретенной земли сулил покрытие возросшего объёма повинностей. Поэтому родители побуждали своих детей рано жениться – чем раньше они женились, тем больше экономических выгод семья могла получить. В то же время увеличение тягол приводило к тому, что в развёртывании повинностей в общине участвовало большее количество рабочих рук, а значит, умножалась и производственная мощность помещичьей усадьбы. Поэтому и сельская община, и помещики поддерживали ранний брак и даже оказывали помощь в этом деле.

В отличие от Западной Европы, русские новобрачные обычно не выделялись после брака, а продолжали жить с родителями вместе. Новая семья не наследовала от родителей семейную землю, имуществом владела вся большая семья: земля, дома и другое движимое имущество являлись коллективной собственностью, которая была предназначена для сохранения семьи и выполнения повинностей⁵¹. Отец, глава семейства, являлся текущим хозяином семейного имущества, но само оно являлось результатом совместного труда членов семьи. Принцип совместного труда определял, что каждый

⁴⁸ *Pierre Bourdieu*. Op. cit., P. 266–268; *Lawrence Stone*. The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800. P. 34–41.

⁴⁹ *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. 1, С. 62–72, 116–122; *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 209–213, 386–408, 422–423.

⁵⁰ *Орлов В.* Формы крестьянского землевладения в Московской губернии. М., 1879. С. 8–21; *Worobec Christine D.* Op. cit., P. 22.

⁵¹ *Калачов Н.* Юридические обычаи крестьян в некоторых местностях // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1859. Т. 2. С. 18, 21–22; *Александров В.А.* Указ.соч. С. 172, 185, 244–245.

мужчина в семье имел равные права собственности и пользовался правом получения равной доли семейного имущества⁵². По этой причине брак каждого сына мог получать материальную поддержку от семьи: женитьба каждого мужчины в семье означала, что они, как взрослые работники, начинали нести ответственность за несение повинностей и обретали право получить финансирование для своего брака. При этом между их женитьбой и наследованием имущества не было прямой связи, поскольку внимание родителей было направлено не на сохранение целостности семейного имущества, как в Западной Европе, а на сохранение целостности самой семьи как тяглой единицы. Эта система совместного проживания и коллективного владения имуществом закрепляла патриархальные права и объективно поддерживала всеобщий ранний брак.

В конце концов, тип брачности русских крестьян XVIII–XIX вв. имел совершенно иную социально-экономическую логику, чем в Западной Европе. Принцип брачного согласия католицизма и эмоциональный индивидуализм, возникший после протестантской Реформации, заложили основу современной человеческой концепции брачности. Русская православная церковь ещё до начала XX в. отстаивала традиционную теорию таинства брака, ставшую также основным принципом российского брачного законодательства. Поэтому не случайно, что западноевропейский тип брачности зародился в католических регионах средневековой Европы и был наиболее ярко выражен в протестантских регионах. С другой стороны, брак в Западной Европе был основан на личном имуществе, но при действии принципа майората это имущество либо передавалось после долгого ожидания, либо зарабатывалось после долговременной работы, поэтому вступление в брак было непростой задачей для каждого молодого человека. В России сильные патриархальные права, коллективная собственность на семейное имущество и система земельных переделов по тяглам сделали ранние браки очень полезными как для семьи, так и для общины. С экономической точки зрения западноевропейская модель брачности являлся продуктом постепенного развития капиталистических отношений, была результатом урбанизации и индустриализации, освобождающих семьи от их первоначальных экономических функций и позволяющих их членам обрести большую экономическую независимость и как следствие личную свободу. Такой тип поздних браков и поздних деторождений, а также простая и «распущенная» семья приспособились к рыночному спросу на труд, товары и услуги. Но всего этого почти не было в России до середины XIX в., а относительно поздние браки появлялись лишь в некоторых частях Нечерноземья.

После отмены крепостного права и начала промышленной революции в России во второй половине XIX в. региональные различия в крестьянских браках стали более выраженными. Вначале в Балтийских губерниях, находящихся

⁵² Ефименко А. Исследования народной жизни. Выпуск первый: обычное право. М., 1884. С. 61–62, 153; Worobec Christine D. Op. cit., P. 44–47.

под большим влиянием Западной Европы, потом в столичных губерниях и нечерноземных промышленных районах брачное представление и модель брачности начали трансформироваться, и наметилась тенденция к увеличению числа разделённых семей и повышению брачного возраста и снижению брачности. За полвека средний возраст русских крестьян при вступлении в первый брак вырос так же быстро, как и за предыдущие двести лет. Но в целом русские крестьянские браки второй половины XIX в. ещё относились к раннебрачной модели, а индустриализация и урбанизация в целом не уничтожили контроль семей и общины над крестьянскими браками. По сравнению с Англией трансформации брачного возраста и полномочий по принятию брачных решений у русских крестьян произошли примерно на два–три столетия позже, за этим стояли не только разрыв показателей социально-экономического развития двух стран, таких как уровень урбанизации, индустриализации и детская смертность, но и огромная разница в национальной психологии и образе жизни. Поэтому по сравнению с Западной Европой, особенно с Англией, брачные представления и традиции в России XVIII и XIX вв. основывались на иных основаниях.

Но это не означает оправданность «линии Хайнала». Проблема здесь не только в различии русских и западноевропейских брачных моделей как таковых, но и в трудности деления Европы на две половины прямой линией.

Во-первых, хотя средний возраст вступления в первый брак у русского населения, включая крестьян, был в целом ниже, чем в западноевропейских странах, нельзя отрицать, что к концу XIX в. некоторые части России уже имели черты западноевропейской брачной модели. Например, в 1897 г. уровень урбанизации Московской губернии достигал 46,7 %, население города Москвы превышало миллион, и только 27,89 % населения губернии специализировалось на земледелии; не только население губернии женилось поздно, но и доля одиноких была достаточно высока, что мало чем отличалось от западноевропейской модели⁵³. В такой огромной и сложной стране, как Россия, естественно существовали огромные различия в брачном поведении. Это является неизбежным следствием неравномерности развития российского капитализма и резко увеличивающегося разрыва между городом и деревней.

Во-вторых, модели брачности в районах к западу от «линии Хайнала» были совсем неоднородны, и нельзя подходить ко всему с одной меркой. Южно-европейские страны, такие как Италия, сильно отличались от западноевропейских. Даже во Франции её северные и южные модели брачности были непоследовательны, не говоря уже о различиях между Францией и Англией. Особенно когда модель позднего брака и простая семейная система в Западной Европе рассматриваются как одно целое, а модель раннего брака и система сложной семьи в Восточной Европе тоже рассматриваются как

⁵³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1905. Т. XXIV. Московская губерния. С. XXVII–XXVIII, XXXIII, 1, 32.

одно целое, такая конфронтация между Восточной и Западной Европой, разрезанной «линией Хайнала», столкнётся с большим количеством противоречий, не подтверждённых фактами⁵⁴.

На самом деле проблема «линии Хайнлаа» не только в том, что она совсем неточна, но и в том, что она является отражением западноевропейского центризма в области демографической и семейной истории. Даже если некоторые учёные оставили дихотомию восточно- и западноевропейских брачных моделей и стали делить модели брачности всей Европы на четыре части («Северо-Западная Европа, Центрально-Западная Европа, Средиземноморье, Восточная Европа»), то это всё равно далеко не отражает разнообразие брачно-семейных систем в разных местах Европы. Это разнообразие зависит не только от географической среды, но и от культурных традиций, систем социального управления, хозяйственной деятельности и т. д., и меняется с изменением социально-экономической ситуации. В рамках большой территории, которая номинально принадлежала к одной и той же модели брака и семьи, на местном уровне могут существовать множество разных моделей, не совпадающих с основным направлением. Поэтому при изучении брачно-семейных вопросов особенно важно убрать грубое и извлечь суть, иметь динамичное и комплексное мышление, только таким образом можно узнать своеобразие образа жизни наций и разнообразие регионального развития.

Список литературы:

1. Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в. М., 1984.
2. Вишневецкий А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневецкого, И.С. Кона. М., 1977. С. 105–134.
3. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М., 2000.
4. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М., 2012.
5. Линь Чжонзе. Брак и секс в средневековом каноническом праве Западной Европы // Исторические исследования (Китай). 1997. № 4. С. 122–133.
6. Линь Чжонзе. Комментарий к протестантским взглядам на брак и секс в 16 веке // Мировая история (Китай), 1997. № 4. С. 67–73.
7. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.
8. Миронов Б.Н. Русский город: в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.

⁵⁴ Peter Laslett. Family and household as work group and kin group: areas of traditional Europe compared. P. 525–528; Richard Wall. Characteristics of European Family and Household Systems // Historical Social Research. Vol. 23, 1998, No. 1/2. P. 44–66; Szoltysek M. Central European household and family systems, and the “Hajnal – Mitterauer” line: the parish of Bujakow (18th-19th centuries) // History of the Family. No.12 (2007).P. 19–42.

9. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): 2-е изд. СПб., 2000. Т. 1. С. 158–178.
10. *Мухина З.З.* Русская крестьянка в пореформенный период (вторая половина XIX – начало XX века). СПб., 2018. С. 157–182.
11. *Мухина З.З.* Семейный быт и повседневность крестьян Курской губернии: традиции и динамика перемен в пореформенной России. М., 2012.
12. *Прокофьева Л.С.* Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981.
13. *Птуха М.В.* Очерки по статистике населения. М., 1960.
14. *Сюй Хао.* Исследования средневековые промышленности и торговли в Западной Европе. Пекин, 2018.
15. *Тольц М. С.* Брачность населения России в конце XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / под ред. А.Г. Вишневого, И.С. Кона. М., 1977. С. 138–153.
16. *Филарет Московский.* Учение о семейной жизни святителя Филарета Московского. Религиозное издание. М., 2010.
17. *Фу Синъю.* Исследования семьи в переходный период британского общества. Хэфэй, 2008.
18. *Хаджнал Джон* Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века / под ред. А.Г. Вишневого, И.С. Кона. М., 1979. С. 14–71.
19. *Чертова Г.И.* Смертность населения России в XIX в. по исследованиям современников // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневого, И.С. Кона. М., 1977.
20. *Чжан Гуансян* Косвенные причины медленной урбанизации России в позднефеодальный период // Мировая история (Китай). 2003. № 6.
21. *Юй Цзиньяо* Изучение истории Западноевропейского брака, семьи и населения. Пекин, 2014.
22. *Юй Цзиньяо* Исследование истории брака, семьи и демографии Западной Европы. Пекин, 2014.
23. *Ялом М.* История жены. М., 2019.
24. *Alan Macfarlane.* The Origins of English Individualism: The Family, Property, and Social Transition. Oxford, 1978. P. 148–150.
25. *Babara Alpern Engel.* The Woman's Side: Male Out-Migration and the Family Economy in Kostroma Province // Slavic Review. Vo. 45, No. 2 (Summer 1986).
26. *Bourdieu Pierre* Le Sens Pratique. Paris, 1980.
27. *Christopher Dyer.* An Age of Transition? Economy and Society in England in the Later Middle Ages. London, 2005.
28. *Dennison T.* The Institutional Framework of Russian Serfdom. New York, 2011, P. 59–92.
29. *Elizabeth With.* A Modern History of Russian Childhood: From the Late Imperial Period to the Collapse of the Soviet Union. London, 2020. P. 39–40.

30. *Flandrin Jean-Louis*. Families in Former times: Kinship, household and sexuality. Cambridge, 1979.
31. *Hajnal John* European marriage patterns in perspective // *David Glass, D.E.C. Eversley* (eds.). Population in History, London Edward Arnold LTD, 1965
32. *Hajnal John*. Two Kinds of Preindustrial Household Formation System // Population and Development Review, Vol. 8, No. 3 (Sep., 1982), P. 449–494.
33. *Hoch Steven L.* Serfs in Imperial Russia: Demographic Insights // The Journal of Interdisciplinary History. Vol. 13, no. 2 (Autumn 1982), P. 221–246.
34. *Jan Lutiten van Zanden*. The Long Road to the Industrial Revolution: The European Economy in a Global Perspective, 1000–1800. Leiden, 2009. P. 122–127.
35. *Jan Lutiten van Zanden*. The Long Road to the Industrial Revolution: The European Economy in a Global Perspective, 1000–1800. P. 115–122.
36. *Laslett P.* Characteristics of the western family considered over time // Journal of Family History, Vol. 2, Iss. 2, (Summer 1977), P. 80–107.
37. *Laslett Peter* Family and household as work group and kin group: areas of traditional Europe compared // Family Forms in Historic Europe. Cambridge, 1983. P. 513–564.
38. *Lawrence Stone*. The Family, Sex and Marriage in England 150–1800. London, 1977. P. 116.
39. *Michael Mitterauer, Reinhard Sieder*. The European family. Patriarchy and partnership from the Middle Ages to the present. Oxford, 1982. P. 110–112.
40. *Mitterauer M., Kagan A.* Russian and Central European Family Structures: A Comparative View // Journal of Family History (Spring 1982). P. 117–119.
41. *Peter Czap Jr.* The perennial multiple family household, Mishino, Russia. 1782–1858 // Journal of Family History, Vol. 7, Iss. 1, (Spring 1982), P. 10–14.
42. *Peter Czap, Jr.* The perennial multiple family household, Mishino, Russia 1782–1858. P. 5–6.
43. *Peter Czap*. “A large family: the peasant’s greatest wealth”: Serf household in Mishino, Russia, 1814–1858 // *R. Wall, J. Robin, & P. Laslett (Eds.)*. Family Forms in Historic Europe. Cambridge, 1983. P. 118–120.
44. *Robert C. Allen*. The British Industrial Revolution in Global Perspective. Cambridge, 2009.
45. *Svetlana S. Kriukova*. The Russian Peasant Family in the Second Half of the Nineteenth Century // Russian Studies in History. Vol. 38, No. 2, Fall 1999. P. 31–32.
46. *Szolysek M.* Central European household and family systems, and the “Hajnal – Mitterauer” line: the parish of Bujakow (18th-19th centuries) // History of the Family. No.12 (2007). P. 19–42.
47. *Tommy Bengtsson, Cameron Campbell, James Lee (etal.)*. Life under Pressure: Mortality and Living Standards in Europe and Asia, 1700–1900. Cambridge, 2007. P. 361–368.
48. *Tracy K. Dennison*. Serfdom and household structure in Central Russia: Voshchazhnikovo, 1816–1858 // Continuity and Change, Vol. 18, Iss. 03, Dec. 2003, P. 395–429.

49. *Wall Richard* Characteristics of European Family and Household Systems // Historical Social Research. Vol. 23, 1998, No. 1/2. P. 44–66.
50. *Wheaton Robert*. Family and Kinship in Western Europe: The Problem of the Joint Family Household // Journal of Interdisciplinary History. Vol. 5, No. 4 (Spring 1975).
51. *Worobec Christine D*. Peasant Russia: Family and Community in the post-emancipation period. Princeton NJ, 1991. P. 119–128.

Об авторе:

Ли Чжэнвэн (Константин Ли), доктор исторических наук, пост-докторский сотрудник Исторического факультета Фуданьского университета Китая

**“MARRYING SOONER IS MORE PROFITABLE AT HOME”:
A COMPARATIVE STUDY OF THE DIFFERENCES BETWEEN
RUSSIAN AND WESTERN EUROPEAN MODELS OF MAR-
RIAGE IN THE 18TH-19TH CENTURIES**

Li Zhenwen (Konstantin Li)

Fudan University, Department of History, *Shanghai, China*

In the 18th and 19th centuries, the model of general and early marriage dominated in Russia, which was very different from the Western European one. This difference was due to four socio-economic reasons. Firstly, the religious and cultural background and the emotional basis of marriage in Western Europe and Russia were different, so the concept of marriage based on the love and personal consent of both parties did not form in Russia. Second, because Russian infant mortality was too high and life expectancy was too low, peasants were more likely to marry early and have children early in order to increase the birth rate. Thirdly, in contrast to the accelerated development of industry, trade and labor markets in Western Europe, the widespread early marriage of Russian peasants was mainly determined by the demand for family labor in traditional agriculture, and the level of urbanization and social mobility was very low, which makes it impossible to destroy traditional rural social structures and the concept of marriage. Fourthly, the marriage of Russian peasants was not based on personal ownership of land, on the contrary, with communal land ownership, marriage brought new lands to the family. Moreover, Russian newlyweds usually did not stand out after marriage, but continued to live with their parents together; did not inherit family land from their parents at marriage, but owned the property of the whole family. Such a family system consolidated patriarchal rights and objectively supported universal early marriage. Although different models and logics of marriage have formed in Russia and Western Europe, it would be unreasonable to divide Europe into eastern and western halves in a straight line.

Keywords: *Russian peasants; marriage models; early marriage; rural commune; Western Europe.*

About the author:

Li Zhenwen (Konstantin Li) – Doctor of History, Postdoctoral Fellow at the Department of History, Fudan University of China.

References:

- Aleksandrov V.A., *Obychnoe pravo krepostnoj derevni Rossii XVIII – nachalo XIX v.*, M., 1984.
- Vishnevskij A.G., *Rannie etapy stanovleniya novogo tipa rozhdaemosti v Rossii*, Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR, Pod red. A.G. Vishnevskogo, I.S. Kona, M., 1977, S. 105–134.
- Gromyko M.M., Buganov A.V., *O vozzreniyah russkogo naroda*, M., 2000.
- Gura A.V., *Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoj kul'ture: Semantika i simbolika*, M., 2012.
- Lin' Chzhonze, *Brak i seks v srednevekovom kanonicheskom prave Zapad-noj Evropy*, Istoricheskie issledovaniya (Kitaj), 1997, № 4, S. 122–133.
- Lin' Chzhonze, *Kommentarij k protestantskim vzglyadam na brak i seks v 16 veke*, Mirovaya istoriya (Kitaj), 1997, № 4, S. 67–73.
- Milov L.V., *Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istori-cheskogo processa*, M., 2001.
- Mironov B.N., *Russkij gorod: v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, social'noe i ekonomicheskoe razvitie*, L., 1990.
- Mironov B.N., *Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)*, 2-e izd., SPb., 2000, T. 1.
- Muhina Z.Z., *Russkaya krest'yanka v poreformennyj period (vtoraya po-lovina XIX – nachalo XX veka)*, SPb., 2018.
- Muhina Z.Z., *Semejnyj byt i povsednevnost' krest'yan Kurskoj gubernii: tradicii i dinamika peremen v poreformennoj Rossii*, M., 2012.
- Prokof'eva L.S., *Krest'yanskaya obshchina v Rossii vo vtoroj polovine XVIII – pervoj polovine XIX v.*, L., 1981.
- Ptuha M.V., *Ocherki po statistike naseleniya*, M., 1960.
- Syuj Hao, *Issledovaniya srednevekovye promyshlennosti i trgovli v Zapadnoj Evrope*, Pekin, 2018.
- Tol'c M.S., *Brachnost' naseleniya Rossii v konce XIX – nachale XX v.*, Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR, pod red. A.G. Vishnevskogo, I.S. Kona, M., 1977. S. 138–153.
- Filaret Moskovskij, *Uchenie o semejnoj zhizni svyatitelya Filareta Moskovskogo. Religioznoe izdanie*, M., 2010.
- Fu Sin'cyu, *Issledovaniya sem'i v perekhodnyj period britanskogo obshchestva*, Hefej, 2008.

- Hadzhnal Dzhon, *Evropejskij tip brachnosti v retrospective*, Brachnost', rozhdaemost', sem'ya za tri veka, pod red. A.G. Vishnevskogo, I.S. Kona. M., 1979, S. 14–71.
- Chertova G.I., *Smertnost' naseleniya Rossii v XIX v. po issledovaniyam sovremennikov*, Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i v SSSR, pod red. A.G. Vishnevskogo, I.S. Kona, M., 1977.
- Chzhan Guansyan, *Kosvennye prichiny medlennoj urbanizacii Rossii v pozdnefeodal'nyj period*, Mirovaya istoriya (Kitaj), 2003, № 6.
- Yuj Czin'yao, *Izuchenie istorii Zapadnoevropejskogo braka, sem'i i nasele-niya*, Pekin, 2014.
- Yuj Czinyao, *Issledovanie istorii braka, sem'i i demografii Zapadnoj Evropy*, Pekin, 2014.
- Yalom M., *Istoriya zheny*, M., 2019.

Статья поступила в редакцию 24.02.2022г.